Словарь

Елена Ханпира

SHOUT
SHARE
IT

- Елена Ханпира
  -
  - Вера
  - Вероломство, предательство
  - Жестокость
  - Любовь
  - Молитва философа
  - Невинность
  - Ответственность
  - Право
  - Прощение
  - Святость
  - Символ
  - Суд
  - Сущность и существование
  - Целомудрие
  - Эгоизм

Елена Ханпира
Словарь

Это словарь. Статьи читать по выбору.

Вера

С психологической, с прагматической точки зрения вера вполне объяснима, а что объяснимо, то уже не чудесно, не божественно. «Вера нужна в критических ситуациях, чтобы выжить». Это абсолютная правда, и те, кто аргументируют таким образом необходимость веры, приторговывают ею. «Возьми, тебе выгодно. Это поможет. Если помогает, значит, истина», — это целиком прагматическая аргументация, не выдерживающая никакой критики (если верить также в дьявола, который тоже кое в чем может хорошо помочь, «срабатывает»). Вера полезна, — этот довод был обсмеян со всех сторон еще в X1X веке, и об него вытер ноги не один честный атеист. Позорно завлекать полезностью там, где нужен подвиг души, не говоря уже о том, что здесь принципиально отсутствует «онтология», т. е. собственно вопрос о соответствии высказывания действительности. «Что работает, то истинно», — что-то от правды в этом есть. Если высказывание не соответствует действительности, оно не работает. Но следует рассмотреть в лупу те уровни, на которых оно работает, и отграничить их от уровня онтологического. Функциональность мечты или галлюцинации не менее реальна, однако удовольствие от воображения «самого прекрасного острова» ничего не говорит о его реальном существовании. Частный успех ничего не говорит о соответствии общему закону. Не говоря уже, повторяю, о вере в дьявола (срабатывает на определенном этапе, но как частный закон, а не абсолютный, потому что затем — расплата за веру на онтологическом уровне). Другой, идеалистический вариант того же тезиса: «Истинно то, что хорошо», — это не просто идеализм. Это также коммерческая психология. «Хорошо», — это то, во что мне удобно верить. Неудобно любить одно, а верить в другое. Сердце разорвется. Любить добро, а истинной считать, скажем, безразличие Бога. Или его отсутствие. Я признаю истиной только то, что меня устраивает. Что не по мне, то ложь. Я хочу, чтобы это было, поэтому это есть — довольно наглое заявление. Каждому по вере, конечно, но… Узко-прикладной, прагматический характер этого довода, как уже сказано, попахивает серой.

Да, с психологической, с прагматической точки зрения феномен веры объясним, объясним только так, а что объяснимо, то не божественно. То уже не чудо. Простой психологический акт, усилие отчаявшейся души, когда ей, очумевшей от горя и страха, ничего не остается, как принять мир, как он есть и поверить в Божий промысел.

Но… Если бы это было так, если бы можно было

действительно проследить тот волевой акт, которым человек утверждает Бога в момент отчаяния. Тогда можно сказать, что действительно душа прячет голову в песок, или, точнее, с усилием вытаскивает себя на берег после кораблекрушения. Может, у нее предсмертная галлюцинация, но ей кажется, что она действительно выползла на прочную землю, что спасена. А мы со стороны видим, как она барахтается, чтобы в это поверить. Или чтобы вылезти и приписать спасение Богу.

Но вот другая ситуация. Человек тонет, идет ко дну, теряет сознание. В следующее мгновение он обнаруживает себя на сухом берегу, как ни в чем ни бывало. Он, конечно, барахтался в волнах, но это не могло его спасти. Что же спасло?

Я не имею в виду случаи чудесного спасения, физического спасения. Слишком много физически не уцелевших. Речь о другом. О чуде, когда человек, только что пребывавший в отчаянии и безверии, внезапно обнаруживает себя верующим. Иллюзией оказывается, что человек тонул, правдой, — что он на берегу. Ощущение отчаяния, смертности, проклятости, отверженности, осужденности оказывается позади, как галлюцинация, как дурной сон, а в настоящем — уверенность в праве на бытие. Человек обнаруживает себя «выплымши», хотя он не выплывал. Он стремился выплыть, и ему было дано. И вера уже — не волевой, не психологический акт, который человек предпринимает для своего спасения, а внезапный, чудесный дар, необъяснимый никак и ни через что. Парадокс. «Я не верю в чудеса, — сказала моя подруга. — Все чудеса объяснимы или могут быть объяснены в будущем. Одно лишь чудо могло бы меня убедить в том, что Бог существует. Это чудо: если я поверю в Бога. Если я поверю в Бога, это будет такое чудо, что я поверю в Бога».

Вероломство, предательство

Мы в ответе за тех, кого приручили

(А.-С. Экзюпери)

Фантазия по мотивам Ошо.

Маленький цыпленок сидел в курятнике и никому не доверял. Потому что ни от кого еще не видел хорошего. В курятник пришел человек, и цыпленок убежал, потому что не ждал добра. Но, вернувшись, обнаружил зерно в кормушке. Осторожно поел: оказалось вкусно. Когда человек пришел во второй раз, цыпленок опять спрятался, потому что не верил в добрые намерения человека. Но опять появилось зерно, и цыпленок задумался. Но он не спешил делать выводы и доверяться человеку. Так повторилось 999 раз. Цыпленок убедился, что человек последовательно делает ему добро, и стал радостно ждать его прихода. А на 1000-й раз человек пришел, чтобы свернуть цыпленку шею. «Какое подлое предательство», — подумал цыпленок перед смертью.

Жестокость

«Неоправданная жестокость» — тавтология. Жестокость нельзя оправдать. Ее можно только простить. Так же подлость, низость и проч.

Любовь

Она достается одному, обделяя всех остальных. Не могу же я любить всех, пусть хоть кого-то. Пусть они оба одинаковые, не могу любить обоих, буду любить одного. Почему именно этого? Первый подвернулся.

Она капризна, алогична и не претендует на этичность. Она — случай, лотерея, а не закон. «Законов всех она сильней». В этом ее аристократичность.

Она может быть только взаимной, как подарок, как прощение, как объятие, как рукопожатие, как беседа. Она существует только в зародышном состоянии, пока ее не примут руки Другого.

Бога нет, пока я в него не верю. Любви нет, пока я на нее не отвечу.

Любовь нельзя купить. В том числе на золотое правило этики. «Спасибо, Господи, что я не таков, каков этот мытарь». Хочешь оплаты по заслугам. Ну-ну, только оступись — так тресну, не очухаешься!

«Помилуй, Господи, грешен…» Да, сын мой. Этот вариант — беспроигрышен.

«Проверь
весь внешний мир.
Везде закон, причинность,
но нет любви.
Ее источник — Ты!
Бог есть любовь,
любовь же огнь, который
пожрет Вселенную и переплавит плоть».

М. Волошин

Любовь есть чудо вопреки законам причинности, вопреки анаксимандровой справедливости и гераклитовой диалектике. Ее источник — Ты. Ты человека, Ты Бога.

Следует положиться на Ты.

Молитва философа

Господи, будь милостив к падшим!
Господи, будь милостив к низшим!
Мы давно не сеем, не пашем,
Мы тебя, Отец Благой, ищем.

Разве имя мы Твое знаем?
Разве Ты авторитет высший?
Мы за тридцать золотых правил
Продали Тебя духом нищим.

Господи, будь милостив к Канту!
Господи, будь милостив к Ницше!
Все они к Тебе идут как-то,
Все они Тебя, Отец, ищут.

(1992-93)

Невинность

Это состояние до познания добра и зла и, соответственно, до грехопадения. Это состояние неразумное, доразумное, сверхразумное.

Всякий, кто хочет добиться невинности, обречен на виновность. Невинность подобна горизонту для жаждущего ее человека: она удаляется по мере приближения.

Пример.

«С тобою быть — вот жизни цель.
Но одиночество прекрасней»

(А. Дольский)

или:

«Потому я оставлю тебя, Шуламифь,
Что увидел в любви воплощение смерти»

(Ю. Лорес)

Ш. Бронте «Джен Эйр». Молодой священник страстно влюблен в девушку, но боится своей страсти и делает предложение нелюбимой, чтобы, женившись, уехать миссионером в Китай. Неприспособленность любимой девушки к жестоким условиям чужой страны — только предлог. На самом деле он бежит от нее в Китай, бежит от своего чувства, которое он расценивает как нечистое. В нем нет ни тени иллюзии, что его чувство свято. Он прекрасно различает любовь и вожделение. И не делает попыток надеть розовые очки, облагородить свое влечение, и так достаточно нежное, романтическое, возвести его в статус святой любви. Его попытка очиститься от этой скверны сама по себе нечиста. На ней лежит печать грехопадения. Он различает добро и зло слишком четко, чтобы целиком отдаться добру. Зло всегда будет с ним, пока он видит его. В нем нет надежды переплавить зло в добро, он боится своей слабости, он не верит в добрую природу человека и человеческих чувств. Он пессимист, он неверующий.

Он избавится от женщины, но не избавится от страсти. Как яблочный червь, она поселилась в нем по вкушении плода добра и зла. Он слишком умен, этот молодой человек, чтобы быть

невинным и доверчивым к своим чувствам. Слишком искушен в жизни, чтобы стать святым. Он гонится за обретением невинности, и бежит для этого в противоположном направлении. Невинность была у него в руках в те минуты, когда он называл свою страсть любовью. Только глупый юнец способен назвать любимой первую поцеловавшую его женщину и совершать подвиги ради дешевой шлюхи, видя в ней заколдованную принцессу. Только для глупого юнца душа и тело едины. Искушенный различает их и бежит плоти. А ведь только в этом единстве — первобытная адамова невинность. Которая с необходимостью будет утрачена всяким смертным.

Тот, кто знает, кто еврей, — уже антисемит. Тот, кто бежит плоти, уже пленен ею. Царство Божие внутри нас есть. Оно есть внутри любого душевного и телесного движения, и бесполезно метаться по свету в его поисках. Вместо того, чтобы отвергать страсть и любой ценой избавляться от объекта влечения, следует раздуть ту искру Божию, которая освятит любой грех. Ибо Дух веет, где хочет.

Ответственность

Ответственности человек боится, потому что боится быть виноватым. Но ответственность — это не вина. Это возможность все изменить. Однако человек по-прежнему боится ответственности. Потому что не хочет ничего менять.

Право

Галич говорит: «Я не избран, но я сужу». Имеет право судить, хотя не избран в судьи. Все мы имеем право на многое. Я имею право выращивать цыпленка в бутылке, но онтологически это право не подтверждено, и цыпленка не будет. На реальности это «право» никак не отразится, потому что это номинальное право. Значит, важно, кто мне дает право. Кто избрал на судейство. Если я сам, мое право останется чисто формальным, номинальным, в том числе право на суд. Я произведу несправедливый суд. Или суд, который не будет иметь никаких последствий, что, в принципе, одно и то же: несправедливый суд никак не отражается на истине, на вечности, на Боге. Камешек, который брошен в воду и только на мгновение пустил круги. Если Галича это устраивает, пусть судит, пусть реализует свое пустое право. Иногда человеку необходимо взять на себя функцию Бога. Человек хочет верить, что на многое имеет право, иначе он не смог бы действовать вообще. Но цыпленка в бутылке он не вырастит.

Прощение

Человек занял у меня деньги, но я для себя решил ему долг простить. Он об этом не знает. Значит, он все еще должен, чувствует себя должным. Или если я ему скажу, а он откажется от прощения долга, он останется должен, как бы я ни уговаривал его. И если я не возьму деньги, откажусь категорически, он все равно будет в долгу, долг будет снедать его, пока он не согласится с моим решением. Это значит: пока человек не позволит Другому простить себя, он не будет прощен.

Прощения надо просить, хоть у кого-то. Тот, кто просит прощения, должен пребывать в парадоксальной ситуации: верить в прощение и ждать его, и в то же время быть готовым смиренно принять любой приговор. Как Авраам, занося нож над сыном, был готов убить и в то же время уверенно ждал чуда.

Святость

Быть святым — значит позволить себя простить. Святость — глубочайшее сознание собственной виновности и смиренное ожидание прощения. Знать, что все содеянное непростительно, — и верить в прощение. Из этого следуют все слова и дела святых. Из этого тот самый мягкий, спокойный свет святости. Это и есть ответ на вопрос: как можно оставаться в мире с самим собой и с другими, когда знаешь бездны человеческие.

Это то самое иго, которое благо, и бремя, которое легко.

Символ

Два рода символизма. Символизм литературный (условно назовем так) и символизм мифологический. Литературный пользуется абстракциями для выражения конкретного. Мифологический — наоборот: конкретными конечными образами для выражения вечных сущностей. Литературный (серебряный век русской литературы) камуфлирует конечную реальность в «духах и туманах», по-блейковски (а точнее, по средневековой традиции) отделяя сущность от носителя, что выражается, например, в том, чтобы писать слова «верность», «любовь», «юность» с прописной буквы и манипулировать ими как самостоятельными сущностями. Невинность ходит, разговаривает, теряется. Верность ждет, помнит, чтит. Любовь исходит слезами, странствует и проч. И все это — как имена ангелов. Эти сущности есть сами по себе, и если люди вымрут, Любви, Верности, Злодейству, Постоянству, Старости и проч. нет конца. Это теоретически. С другой стороны, если люди вымрут, этим многозначительным именованиям не на что будет намекать. Потому что обнаруживается их зависимость от конкретных конечных явлений, бесконечной выжимкой из которых вечные сущности являются. Поэт, описывая образ Старости, которая с грустью сидит у его порога, имеет в виду конкретную подагру и бессонницу. Абстрактная Невинность — на деле его собственное невинное состояние (увы, давно в прошлом), выражавшееся в неведении относительно гадостей мира сего. Или девушка, которую он обесчестил, о чем на данный момент сожалеет. Злодейство — это обобщенный образ надувшего автора прохиндея. Словом, основа абстрактного символа, его стопы — в конкретной конечной реальности. Абстрактные символы сводятся к конкретным предметам практически без остатка.

Символизм мифологический действует по обратному принципу. Миф в конкретных образах выражает реалии вечные. Вот горчичное зерно — оно выражает идею вечного блаженства, царства Божия. Вот алхимическое Золото (вульгарная прописная буква взята из арсенала символизма литературного), философский камень, — символ Жизни Вечной. Литературный символизм выглядит красивше. Романтичнее, загадочнее. С эдаким флером, эдакой мудростью.

Мифологический символизм выглядит сермяжным. «Говорит притчами. Значит, Закона не знает». Он сказочнее, примитивнее, грубее, неэстетичнее. Для крестьян.

Все, что есть в небе, есть на земле. Небо и земля идентичны, «кратны» друг другу. Весь вопрос в том, что первично. Если

первично земное, конкретное, чувственное, эмпирическое, — тогда есть смысл производить от этой реальности реальность вторичную, бледную, подражательную, искусственную в виде общих идей. А если, по Платону, первичен вечный идеальный мир, тогда конкретные вещи отражают и выражают идеальные сущности, свидетельствуют о них. Литературный символизм принижает статус вечных сущностей, делая их производными от конечной материальной реальности. А мифологический, напротив, — возвышает реальность материальную, указывает ее истинное происхождение. Мифологический символизм направлен вверх.

По Честертону, для Франциска Ассизского реальность был именно Бог, и Он свидетельствовал о всем конкретно сущем (траве, деревьях, птицах, животных), а не наоборот. Тут можно спорить, к какому символизму относится такая позиция Франциска, но когда он поет гимн солнцу, он славит именно солнце, а не Идею Солнечного Света. Он любит конкретных ворон, волков, а не Идею Первобытной Невинности. Франциск дошел до последней стадии мифологического символизма, как мне кажется: он даже не нуждается в том, чтобы сверять материальный и метафизический пласты, он и так знает, что не грешит идолопоклонством, отдавая свое сердце этой конкретной вещи, этому конкретному существу: слишком явен для него их Источник.

Суд

Собака зацепила хвостом консервную банку и бегает с ней, и скулит. Хозяин рад бы снять банку с хвоста, да собака не дается. Забивается от страха под диван, поджимает хвост и скулит. Ждет, что еще хуже накажут. Кто бывал в шкуре Бога, тот знает, каково видеть глаза побитой собаки и выслушивать мольбы о пощаде: «Не ругай меня! Не суди меня строго! Пожалей меня!»

Бог может обораться, что он не ругает, не судит, что он жалеет и любит — бесполезно.

Человек сам не прощает себя, сам выносит себе приговор и, приняв роль жертвы, с укором смотрит на Бога: вот, Ты убиваешь меня, но я-то этим искупаю свой грех, а Ты, выходит, палач.

Мы судим Бога — не Он нас. Это просто садизм. Человек сваливает приговор на Бога. И тем его осуждает.

Тысячу раз подумаешь, прежде чем кого-то сотворить.

Люди — мерзкие твари, которые сами придумывают — законы, сами нашкодят, сами себя осудят, сами приведут приговор в исполнение, а потом подымают укоряюще-жалостливый взор к небу: будь милостив, Боженька! Ничего не хотят слышать, хоть надорвись. Глухи, глухи, глухи.

Сущность и существование

Сущность есть ряд незыблемых правил и принципов, некая неразрушимая монада, принятая раз и навсегда. Раз и навсегда сделанный выбор, несвобода, детерминация. Существование есть постоянный выбор. Именно выбор делает свободным. Это одно из толкований понятие свободы, экзистенциалистское. «Человек — это способность выбирать. Это выбор». Потому что в человеке нет незыблемой сущности, которая определяет его действия, меру его бытия. Человек постоянно осуществляет себя в существовании.

Всякая попытка свести Бога к какой-то сущности кончается одинаково: представлением о некоем «тоталитарном» существе. Разум ограничивает, уплощает самое тонкое интуитивное представление, стремится свети к законам и правилам. В конце концов абсолютное Существо становится абсолютным тираном, требующим жертв со стороны «относительных» частей. Общее превыше частного, таков орфический закон. И если интуитивное восприятие Бога, которое всегда безоценочно, мистично, всегда сливает все сущее в Одно, подвергнуть интеллектуальной рефлексии, получится типичная орфическая картина: части автоматически мыслятся как механически соединенные в некое целое (пространственный образ деления организма на клетки довершает черное дело априорных условий опыта и категорий рассудка, в которых только и может воспринимать Бога сознательный индивид, приближая его таким образом к «слишком человеческому»). Ради жизни целого иногда необходимо жертвовать частным (лучше выдрать глаз и отрубить руку, чем…), а уж кто определяет, чем и кем пожертвовать, если мы все клетки, и клетки активные… Разобрав, разложив, растлив таким образом интуитивное видение одной моей подруги, мы составили тезисы и подписали: И. В. Сталин.

Существование невыразимо в понятиях разума. Невыразимо через определение сущности. Четкие правила и инструкции — для «лоуфол гудов», паладинов, которые не выбирают себя, не становятся в бытии. У них есть сущность, которой они не изменяют: «Могу поделиться рубашкой». Для всех случаев одна рубашка.

Постоянный выбор безумно тяжел. Трудно жить без скрижалей. Легче следовать строгим заповедям и быть угодным Богу, чем рожать в муках каждый миг собственное бытие. Постоянно выбирать, как жить, не зная иной сущности Бога и человека, чем существование, постоянно решать, какой будет эта

сущность, это существование — это не просто долг свободного человека. Хуже. Это реальность. Человек постоянно выбирает себя, думая, что уже знает, чего хочет Бог, каким надо быть, как поступать в таких-то и таких-то случаях. На самом деле он каждый раз заново выбирает ту заповедь, которой постоянно следует. Каждый раз решает «не убивать», «не прелюбодействовать», осуществляя поступок в своем существовании. Каждый конкретный момент его бытия и есть тот или иной выбор. Человек обречен на свободу, с унынием говорят экзистенциалисты и разводят руками. Не притворяйтесь, что выбор уже свершен, не лгите себе. Тем более никто не выбирает за вас. Вы существуете — значит, вы Бог, творящий собственную сущность. Источник собственного бытия, ибо сущность есть существование.

Целомудрие

Дом, разделившийся внутри себя, не выстоит.

Это цельность. Продолжение темы невинности. Человек целомудрен, когда не разделяет себя на агнца и степного волка, на ангела и свинью, а воспринимает себя как целое. Если я пью и стыжусь этого, и противлюсь этому внутренне, и сам себя не уважаю, и заставляю других пить со мной, презирая непьющих (верный признак неуверенности в собственной правоте — фанатизм и нетерпимость) — я не целомудрен. Если я пью не с отчаяния, не с горя, не чтобы заглушить в себе какую-то борьбу (так люди часто ищут цельности и только усугубляют раскол), а с радости, без нажима со стороны и не наседая на других, не чтобы «забыть себя» (опять — только иллюзия цельности!), а чтобы выразить себя, если это не ведет к пьяным слезам, вранью, угрюмости, стыду («Ты меня уважаешь?»), мрачным фантазиям, буйству, агрессии, беспамятству и проч., а только к веселью, — целомудрие соблюдено, ибо в человеке царит согласие с самим собой. То же с сексом. Грех совершается, когда какая-то часть человека осознает происходящее как грех, как блуд. Тогда нарушается целомудрие. Человек сам себе предстает в отвратительном обличье и впадает в отчаяние в том или ином виде. Мученики и циники этой породы сразу видны. Если же влечение не осознается как нечистое, грязь странным образом не касается души. Душа не грешит, ибо не желает зла. Что она осознает как зло, она не делает. Что считает хорошим, творит. Безмятежность духа сразу видна, цельность притягивает. Человек же «моральный», вечно облизывающийся на запретный плод, носит на челе печать усталости, мук, терзаний, словом, «внутреннего мира». Его душа загрязнена, расколота, растравлена. Похоть рождается из неудовлетворенности. Из стремления к совершенству. Из гордыни.

Человек волен делать, что хочет. Августиновское «люби Бога — и делай, что хочешь» вполне здесь подходит. Борьба с самим собой, поскольку это борьба, противна любви. Когда ты примешь себя, как есть, полюбишь себя, как есть, со всеми своими дурацкими и несовершенными качествами, странным образом отпадет потребность выбирать между добром и злом. Не потому, что диапазон «доброго» расширится в сознании, заняв бывшую территорию зла, а потому что дьявол, искушавший тебя и соблазнявший на ненависть к себе и себе подобным, тварям Божиим, бежит от тебя. И выпивка и секс перестанут, возможно, таить в себе столь большой соблазн. Ведь тянет только к

запретному.

Эгоизм

Это то, к чему единственному стремится каждый человек: утвердить свое бытие, утвердить себя.

Любое душевное движение эгоистично: оно направлено на самоутверждение, на обретение полноты бытия. И любовь, акт, направленный вроде бы на Другого, не исключение: желание сбыться в глазах Другого, воплотиться в нем, осуществиться в нем, в чувстве к нему — тоже поиск полноты бытия, самоутверждения.

Человек насквозь эгоистичен, а что от меня — то не от Другого, то не от Бога. Но почему для двух людей в одинаковых условиях самоутверждением оказывается не одно и то же? Почему под истинным бытием они разумеют разное? Один предпочтет выжить любой ценой, даже ценой предательства, другой из тех же эгоистических соображений вынесет пытки и мученически погибнет. Чье бытие истиннее, полнее? В чьем эгоизме больше «сублимированности», утонченности, кто дальше от элементарного инстинкта — большой вопрос. Ведь и муравей гибнет за муравейник, а кошка — за котят. Предпочесть себе Другого — это может быть и инстинктом (инстинктом выживания рода), и попранием инстинкта (инстинкта индивидуализма). Между эгоизмом тела (хочу, чтобы телу было хорошо) и эгоизмом совести (хочу, чтобы совесть была спокойна) чисто механически нет никакой разницы.

Опять, значит, в этом нет ничего святого, божественного — раз это идет от эгоистического инстинкта.

Правдой остается одно: приобрести себя можно лишь через Другого. Человек, который выбрал себя, не выбрал ничего, ибо «я» нет без «ты». Он не обратился к Другому, и Другой проигнорирует его. А ведь бытие имеет источником не «я». Значит, он отказался от бытия, думая, что выбирает бытие.

Человек же, который выбрал Другого, увидел в нем воплощение своего бытия, обратил к нему свой взор и свое слово, получит в ответ выбор Другим — себя. И вот этот ответ, этот ответный выбор уже — святое, бессмертное, Божье.